

Архивный отдел управления делами
Администрации
Дмитровского городского округа
Московской области

22 июня
день памяти и
скорби — день
начала Великой
Отечественной
войны



22 июня 1941 года - одна из самых печальных дат нашей истории, в 4 утра без объявления войны фашистская Германия и её союзники напали на Советский Союз.



Тогда еще никто не знал, что в историю человечества она войдет как самая кровопролитная. Никто не догадывался, что советскому народу предстоит пройти через нечеловеческие испытания, пройти и победить. Избавить мир от фашизма, показав всем, что дух солдата Красной Армии не дано сломить захватчикам.



Плакат 1941 года



Немецкие солдаты пересекают государственную границу СССР

«МОЙ ДОМ СТОИТ С КРАЮ»

Отбирая материал для публикации в сборнике, посвященном 50-летию Победы, я обнаружил в краеведческом архиве музея запись рассказа жителя Волдынского Василия Петровича Крупина о событиях периода кратковременной оккупации села в конце ноября — начале декабря 1941 года.

Эта безыскусная история, записанная, что называется, по «свежим следам», осенью 1942 года тогдашним директором музея В. В. Мининим, дает представление об отношении «простого человека» к тем событиям.

Запись публикуется с небольшими сокращениями и исправлениями.

Как знаешь, мой дом стоит с краю... Проснувшись утром, вижу, что старуха уже сидит за столом, за чаем. Умылся и тоже сел за стол. Взял кусок сахара, расколол его на 4 части и положил около стакана. В это время дверь открылась и вошли 2 немецких офицера. Один встал у двери, а другой, подходя к столу, спросил на ломаном русском языке: «Есть у вас партизаны?» — «Не видел партизан», — ответил я. Офицер, подойдя вплотную к столу со словами: «А, цукер», — сгреб в ладонь мой сахар и у старухи полкуса, схватил мой стакан, бросил туда сахар и оба вышли на крыльцо. Я так был испуган, что некоторое время сидели мы со старухой молча, может быть, минут 15, а потом

я решил посмотреть, что делается на улице. Встал, отворил дверь — никого. Я — на крыльцо, гляжу: мой стакан пустой стоит на перильцах, а немцев нет.

Но не прошло и получаса, как те же офицеры и целая толпа немецких солдат ввалились в избу и моментально сожрали хлеб, что лежал на полке в кухне, а офицер сказал мне: «Ты со старухой должен жить в кухне, а остальные комнаты мы займем». В это же время немецкие солдаты увидели у меня во дворе ульи — колоды с пчелами. В один миг мои ульи оказались на улице, немцы начали их рубить топором, в прорубленную щель поливали горячую воду из нашего самовара: таким образом убили пчел, а затем вырубали весь мед и тут же сожрали его.

В это время уже по всему селу были немцы и по улице стояли их танки.

Затем все тот же офицер, который немного говорил по-русски, пришел ко мне и заявил, что им нужна лошадь и чтобы я пошел и показал ему конный двор. Я пошел, с нами несколько их солдат. Там они забрали несколько лошадей и запрягли их в сани, и поехали к Ревякину.

К вечеру я собрал оставшихся колхозников и сказал: «Товарищи! У нас остался нераспределенный по трудодням овес. Надо его разделить, а то все равно эти черти его отнимут, как мой мед». Все согласились,

и мы сейчас же его разделили.

Наутро, часов в 10-11, к моему дому подъехало 7-8 подвод. Часть были наши лошади и сани. Из них стали вылезать немецкие офицеры и среди них один русский, не в военной форме. Звали его Дмитрий Адамович. В дальнейшем он был переводчиком при разговоре с крестьянами и со мной. В одних санях лежал завернутый в мех из изодранных шуб человек. Все к нему относились с большим почтением и страхом. Так как он был буквально спеленат (как пеленают маленьких детей) в эти обрывки из меховых шуб, то его долго распеленывали, а когда, наконец, подняли, я увидел, что это старый генерал, весь в орденах. Его сейчас же отвели в мой дом и вскоре Дмитрий Адамович велел моей старухе греть воду, т. к. генерала и адъютантов надо помыть. За моей печкой образовалась баня, где сначала вымыли генерала, а затем начали мыться приехавшие с ним адъютанты.

Их было 11 офицеров. Один из них приехал верхом на молодой вороной лошади. Она была очень хороша, не испорченная, смиренная. Ее сдали мне и велели поставить на дворе. Я подумал: «Угнали, черти, из какого-либо колхоза, нельзя ли ее у них отнять». Во дворе у меня лежала солома (получил по трудодням) и было много сlegg. Я устроил в углу двора из них стойло и наглу-

хо завалил его соломой. По ночам я выходил, кормил и поил лошадей. Дня три ее никто у меня не спрашивал, а на четвертый день вдруг слышу Дмитрий Адамович кричит мне: «Старик, где наша лошадь?» Я говорю: «Да ее на днях какой-то офицер оседлал и уехал». К моему удивлению, мне поверили и даже не вышли на двор посмотреть. Так лошадь и осталась у меня во дворе.

После мытья генерала и офицеров они взяли у меня из кухни мой стол в большую комнату... Утром адъютанты готовили генералу каждый день за ним завтрак. Когда генерал вставал, приходил Дмитрий Адамович и завтракал с ним, и вели разговор на немецком языке, так что я не понимал. Генерал был высокий и толстый... Ежедневно он делал два дела: первое — жевал, второе — бил по зубам своих адъютантов.

Жрал он прямо беспрестанно. Посидит за столом, где планы, после завтрака, глядяшь, приходит офицер, что-то, видимо, докладывает. Генерал слушает и ворчит, потом — раз офицера в зубы, чаще в подбородок. Тот пулей летит из комнаты и, если в кухне в этот момент подвернется какой-либо рядовой солдат, офицер обязательно ударит его ногой в живот или в зад, а, если его нет, то в сенях и на улице. А генерал уже опять у второго стола стоит и ест. Меня удивляло, сколько он мог за день сожрать... На другой

день по приезде генерала, я видел, что приехали какие-то другие офицеры. На них была другая форма, и разговор как будто другой. От Дмитрия Адамовича я узнал, что это финны. Этим генерал не бил по зубам.

На 7-й день, с утра, я заметил какую-то перемену. Вижу, что Дмитрий Адамович пришел какой-то расстроенный, генерал, хотя жрал по-прежнему, но офицеров не бил, а только все ворчал. Затем вдруг со стола начали убирать планы и карты в чемоданы, а затем заворачивать генерала опять в меховое. Я понял, что началось их отступление, и, действительно, к вечеру вся фашистская сволочь убралась из села.

Вскоре вернулись наши. Я сдал отнятую у немцев лошадь в колхоз. Через несколько дней за мной приехали из НКВД, арестовали и отправили в Москву.

Там на допросе я узнал, что меня обвинили в том, что я был при немцах старостой в селе и что в моем доме был штаб, и я служил немцам, а также показал им конный двор.

Я ответил, что старостой меня никто не выбирал, а что я предложил раздать овес, то потому, что боялся: немцы его все равно заберут, а в остальном — я подчинился силе. Меня отправили в Таганку, где я пробыл 11 или 12 дней, а затем освободили.

Подготовил Р. ХОХЛОВ.

Советский Союз понес самые большие людские потери во Второй мировой войне. Жертвами Великой Отечественной войны, продолжавшейся 1 418 дней и ночей, стали 26 млн. 549 тысяч человек - солдат и офицеров, мирных жителей - убитых, погибших от голода, умерших от лишений.

До 1992 года день начала Великой Отечественной войны не был официальной памятной датой.

Постановлением Президиума Верховного Совета Российской Федерации от 13 июля 1992 года этот день был объявлен Днем памяти защитников Отечества. Указом Президента России от 8 июня 1996 года 22 июня - день начала Великой Отечественной войны - объявлен **Днем памяти и скорби**.





Дмитровская газета
«Путь Ильича», быв.
Газ. «Ударник» — г.
Дмитров
1942-1984гг

СМЕЛОГО ПУЛЯ БОИТСЯ

Первые дни войны. Ленинградский фронт. Советские войска едва сдерживают стремительное наступление гитлеровских полчищ.

После тяжелых изнурительных боев часть, в которой служил Иван Шишов, вышла к селу Старый Медведь. Не успели бойцы расположиться на отдых, как поступило тревожное сообщение. Фашисты бросили воздушный десант. Часть в окружении.

Командир отделения связистов Шишов получил приказ — спасти боевое знамя. Прорывались через вражеское кольцо небольшими группами. Их было восемь человек. Иван Шишов завернул знамя в чехол. Сверток получился довольно тяжелый. А еще винтовка, подсумок с патронами, скатка, сухой паек.

...Они прошли совсем немного, когда показался фашистский самолет. На бреющем полете он расстрелял группу красноармейцев, шагавших впереди, и стал гоняться за разбежавшимися. Их спас овраг, заросший кустарником.

В путь двинулись, когда стемнело. Так и шли по ночам. Если попадался лес — продолжали путь и днем.

Измученные, но невредимые, вышли к Ижорскому заводу — месту сбора части. Их встретил полковник Петросян. Он объявил благодарность Шишову и его спутникам и заявил, что все достойны звания коммуниста и будут приняты в партию. Потом их фотографировали со спасенным знаменем.

— Награды? В то время никого не награждали. Ведь мы отступали.

Старому солдату есть что вспомнить. Ведь он прошел три войны. Службу начал в 1938 году под Ленинградом. Окончил школу связистов. Вскоре началась война с Финляндией. С первых дней командир отделения связи на передовой.

...Финские снайперы стреляли метко. Погибло немало товарищей, а он был, словно, заговоренный. Только однажды вражеская пуля прострелила плащ-накидку.

Великую Отечественную войну встретил в Ленинграде, куда приехал из летних лагерей по заданию командования. Их артиллерийский полк был направлен на финскую границу, а затем под Псков, где сразу вступил в кровопролитные бои. Дальше — трудные дни отступления. Тогда и произошел памятный эпизод со знаменем.

После реформирования полка — героическая оборона "Невского пяткачка". 70-я стрелковая дивизия, в которой воевал связист Шишов, одной из первых на Ленинградском фронте стала гвардейской. Бывалого воина отправили в Кострому в артиллерийское училище.

Далее 3-й Белорусский фронт. Отсюда командир огневого взвода 9 батареи 99-й тяжелой гаубичной артиллерийской бригады 3-й гвардейской артиллерийской Витебской Хинганской, Краснознаменной орденов Суворова и Кутузова дивизии прорыва РВГК (Резерва Верховного Главнокомандующего) лейтенант Шишов про-

шел фронтовыми дорогами до Кенигсберга. Здесь встретил День Победы. Но война для артиллериста не кончилась. Дивизию перебрасывают в Забайкалье, а оттуда на новый фронт с Японией.

Но и после разгрома японской армии офицер И. И. Шишов не сразу вернулся домой. Он едет в Пхеньян в качестве инструктора — учить ратному искусству корейских воинов.

Такие вот фронтовые пути-дороги Ивана Иосифовича Шишова. Память о них — два ордена Отечественной войны, орден Красной Звезды, особо дорогая медаль "За оборону Ленинграда", благодарности Верховного Главнокомандующего.

Почти полвека живет в Дмитрове ветеран войны и труда со своей супругой Александрой Петровной. Вырастили двух сыновей, дождались внуков.

— На здоровье пока не жалуюсь. Еще тружусь по-прежнему, — говорит Иван Иосифович. — И, что удивительно, три войны прошел и даже не был ранен.

Да, повезло фронтовику. Но есть и такая поговорка: "Смелого пуля боится".

Верен И. И. Шишов и фронтовой дружбе. Ведет переписку с однополчанами, встречается. По призыву совета ветеранов бригады участвовал в сооружении памятника в селе Крынки Витебской области, где погибло особенно много боевых соратников.

Ю. БАБАКИН.
На снимке: И. И. Шишов с боевым знаменем и сопровождавшие его бойцы.

Первыми приняли на себя удар пограничники. Целый месяц в тылу у немцев сражался гарнизон Брестской крепости.
За первые 8 часов войны советская авиация потеряла 1200 самолётов, из них около 900 были потеряны на земле.



Брестская крепость



Наши пограничники. Утром 22 июня 1941 года именно они первыми встретили натиск гитлеровских войск.

АННУШКА

Дети военной поры... Их судьбы сложные, тяжелые. Ребята военного времени выросли не по годам рано. Они работали рядом со старшими, чтобы страна победила в страшной войне и поднялась из разлуки.

В 1928 году в семье крестьян Михаила Яковлевича и Агафьи Андреевны Осиповых из деревни Колотилово родилась дочка, которую нарекли светлым именем — Аннушкой.

Время было трудное и не все шло гладко. Свиерпствовала скарлатина и двое малых детей у Осиповых умерли. Брат Аннушки Виктор был инвалид по зрению. Все эти горести подорвали здоровье и матери — Агафья Андреевна стала инвалидом труда. И что удивительно, маленькая Аннушка, а ей и десять не исполнилось, стала хозяйкой в доме: мыла полы, избу, помогала готовить обед, ухаживала за скотиной. А хозяйство немалое — корова, телка, десяток овец, куры. В русскую печь принято было ставить ведерные чугуны. Но попробуйте двинуть их даже с помощью катка и ухват! Аннушка делала так: ставила их на шесток, заполняла картошкой, свежлой, водой, а затем влезала в печь сама и двигала эти тяжелые чугуны.

Крестьянскую семью настиг новый удар, когда началась Отечественная война. Отца и старшего брата Николая призвали в армию. И года не прошло, как прислали похоронку на отца. Руководителям колхоза не до того было, что на руках у малолетней девочки остались инвалиды — мать и брат. Наряд на работу Аннушке давали наравне со взрослыми. Девочка пахла на лошади по 13 соток в день, жала хлеб серпом. Зимой участвовала на повале леса. А ночами вязала фронтовикам варежки и носки.

На лошади Аннушка верхом скакала не хуже сверстника-мальчишки. Мать бранилась: что люди подумают — мужичка растет...

В начале сорок пятого подмога пришла — вернулся после тяжелого ранения брат Николай. Но, как известно, с фронта просто так не отпустили, хотя и после ранения. Николай не смог преодолеть болезни и вскоре умер.

А жизнь шла своим чередом. В первый послевоенный год Аннушку, теперь уже Анну Михайловну, избрали колхозным бригадиром. А через два года паренек из Саввина Анатолий Андреев сделал ей предложение выйти замуж. Анатолий — человек мастеровой и уважаемый сельчанами. Он, как и отец Дмитрий Иванович, владел несколькими специальностями: плотника, столяра, плотника. Анатолий отличился мастерил мебель. Он насаживал косы, делал грабли. В войну паренек все крестьянские работы в колхозе выполнял.

Судьба сложилась в дальнейшем так, что переехала семья в Дмитров. Работали супруги на домостроительном комбинате. В городе и квартире получили.

Аннушка уже шестьдесят пять. Я по ее разрешению заглянул в трудовую книжку. Рабочий стаж у Анны Михайловны 47 лет. Она с деревней и теперь не порывает связи. Любит с землей заниматься, в лес за грибами и ягодами ходить. Анна Михайловна не отказывается от прополки кормовой свеклы в агрофирме "Дубна". В семье Андреевых две дочери — Елена и Вера. Подрастают и внуки.

Мне по душе люди трудолюбивые, порядочные, с чистой совестью.

М. САМОРОДОВ.

18 июня 1941 года отшумел веселый и немного грустный школьный выпускной вечер. Ребята прощались с учителями и друг с другом. Они видели себя врачами, педагогами, инженерами, летчиками. Собирались стать летчиком Иван Прусаков. Но вместо вызова в летное училище был отправлен на трудовой фронт, потом пришла призывная повестка.

Пройдя дорогами войны, Иван Никитич Прусаков обратился к воспоминаниям о тех тяжелых годах. Сегодня мы публикуем отрывок из них.

— Утром 20 октября мы, 10 человек призывников, захватив вещмешки, сообразили в дороге. Нас провела почти вся деревня. Женщины плакали, вытерая слезы платками.

На краю деревни стихийно возник митинг, на котором с речью выступил отец, сказав нам много теплых напутственных слов и пожелавший скорейшего возвращения домой после победы.

В военкомате всех нас зачислили в одну команду и после обеда, выстроив отряд, пешком отправили в Гороховские лагеря, что под Горьким.

Первый ночлег был в деревне Григорово, что совсем недалеко от нашего дома. И четверо ребят, в том числе и я, пошли ночевать домой. Я рассказал, в чем дело, и лег спать. Не знаю, о чем думал отец. Он почти не спал, подшил мне сапоги, а утром на лошади повез нас в Григорово. В телеге мне на ноги подал голову Антон Медведев и разрыдался. Его сердце, видимо, чувствовало, что сюда он больше не вернется.

Полади остались родные места, наш путь лежал на Владимир. Всюду на дорогах были большие скопления людей, войск. Много военных из числа разбитых частей шло на восток.

БОЙЦЫ ВСПОМИНАЮТ МИНУВШИЕ ДНИ

ОКОПНАЯ ПРАВДА

Дальняя дорога давала себя знать. Обувь начала рваться, ноги зябли. Отец еще дома дал мне про запас пару ботинок. Ох, как они мне пригодились! Некоторые из нашей партии стали подумывать о дезертирстве. Приходило их уговаривать не делать этого, ведь за такое в военное время могли расстрелять. Но несколько ребят все-таки сбежали.

Прошло две недели, как мы в походе. Ночевали и в домах, и в коридорах, и в сараях. Оторванные от всего, мы не слышали радио, не читали газет и лишь догадывались, что Москва стала фронтовым городом. Утром 8 ноября мы, наконец, пришли в Гороховецкие лагеря.

Наступило время обеда, хотелось есть. Но нас еще не поставили на довольствие и пришлось терпеть. По всей территории лагеря были разбиты палатки. Кругом сновали солдаты, офицеры, кто-то кого-то вызывал, кто-то приказывали. В общем, сплошная суета. А мы все ждали. Потом нас еще полдня водили по лагерю в поисках землянки. Наконец, часам к восьми вечера нашли пустую, без окон, без дверей. Нам сказали: "Вот обживайтесь здесь, утепляйтесь, сейчас позаботимся, чтобы вас накормили".

Нары в землянке были сделаны из горбылей, причем сучьями наружу, и спать на них было мучительно.

Наша рота была зачислена в систему ПВО. Начались занятия.

Как-то я отлучился с дежурства на огневой точке, чтобы позавтракать в землянке. Командир роты, заметив это, объявил мне 5 суток гауптвахты и снял с дежурства.

Я, расстроенный, пошел в землянку и стал ожидать ареста. Пролетел на нарах весь день. "Забыли, что ли?" — думал я. Заснул лишь под утро. А утром объявили построение и замполка обратился к нам с речью. Он говорил, что страна наша переживает трудные дни, а мы, молодые воины, зачисляемся сегодня в маршевую роту и отправляемся на фронт. Пропала моя гауптвахта.

Под звуки духового оркестра отправились на станцию, где ожидал эшелон. Было это 21 ноября. В лагере мы были всего 13 дней и ни разу не стреляли из винтовок.

Наш поезд шел по направлению к городу Тихвину, который уже был занят немцами. На одной из станций вечером налетели немецкие самолеты, сбросили несколько бомб, обстреляли эшелон из пулеметов. Все бросились в лес. Я остался в вагоне — будь, что будет. По крышам застучали осколки, комья грязи. К счастью, никто не пострадал.

В одну из ночей мы выгрузились из эшелона и расположились в лесу. Утром заметили офицера, который под конвоем воевал красноармейца с перевязанной рукой. Когда нас построили, он объявил, что сейчас будет приведен в исполнение приговор военного трибунала. С удивительным спокойствием он снял с себя телогрейку, шапку. Повернулся спиной к офицеру. Тот выстрелил из пистолета ему в затылок. Красноармеец упал. Вот так случалось тогда с самострелов. Это был урок всем малодушным.

Привывших стали распределять по частям, пришлось расстаться со многими друзь-

ями. А днем налетели немецкие самолеты, на нас посыпались бомбы. Со всех сторон гремели взрывы, дрожала земля, на нас сыпался снег, грязь. На дорогах валялись лошади, было много убитых и раненых красноармейцев. Самолеты бомбили с небольшими интервалами, делая налет за налетом на небольшой высоте. Мы не знали, куда идем, но знали — впереди идут жестокие бои.

К вечеру налеты прекратились, и мы расположились в лесу на ночлег. Стали зарываться в землю. Кое-кто отправился к убитым лошадям за кониной. Украдкой варили ее на костре, так как костры разводить не разрешали — они могли привлечь внимание противника.

Наступил декабрь. А знают ли дома, где я? Ведь я послал родным всего одно письмо еще из лагеря, а ответа не получил. Больше писать не стал. Ведь они, по слухам, должны были эвакуироваться. События развивались так стремительно, что было не до писем.

Началось наступление на Тихвин. Схватки разгорелись жаркие. Но нашим войскам в то время не хватало техники. В основном, только винтовки да гранаты. У немцев были автотоматы, артиллерия, самолеты.

Тихвин был взят немцами, большая потеря. На улицах лежали и наши, и немцы. Город был сильно разбит, горел дома.

После Тихвина мы шли вслед за отступающими немецкими частями. Серозеленый спокойствием он снял с себя телогрейку, шапку. Повернулся спиной к офицеру. Тот выстрелил из пистолета ему в затылок. Красноармеец упал. Вот так случалось тогда с самострелов. Это был урок всем малодушным.

Мы и не знали, что под Москвой в это время тоже развернулось мощное наступление наших войск.

(Окончание следует).

Сотни тысяч советских граждан добровольно уходили в действующую армию. Только за неделю с начала войны было мобилизовано свыше 5 млн. человек.



Когда началась война, мне не исполнилось и пяти лет, но события той поры навсегда остались в памяти.

По радио объявили о войне. Что это такое, я не знала, но стало страшно.

Под окном заирала гармошка. По улице шел народ. А я все-таки никак не могла понять: разве может так быть: играет гармошка, а люди горько плачут? — Но, видно, думала я, это как раз и связано с непонятным словом «война».

ПРИШЛО ГОРЕ В ДОМ...

Отца призвали в армию, а мама с утра уходила рыть окопы. Нередко ночью во время тревоги за мамой приходили, и она отправлялась на дежурство, а я оставалась с сестрой. Залезали под стол, ждали отбоя, чтобы потом нырнуть в кровать.

Числа 10 декабря к нам зашли человек 20 бойцов. Усталые, опаленные, в простреленных шинелях. Мама поставила самовар и приготовила постель. Наутро солдаты переоделись во все чистое, сказав, что идут на смертный бой ради Победы.

И потом каждую ночь к нам приходили красноармейцы, оставляя одногруппных раненых. Мама, хотя и не была медработником, делала им перевязки. Среди них находился один тяжело раненый в голову солдат. Всю ночь он метался в бреду, просил пить и спасти его. Мама несколько ночей не спала, все не отходила от него, а потом, когда солдату стало лучше, его увезли в госпиталь... Вскоре у нас в доме была первая радость: немцев отогнали от Москвы.

М. ЧИГИРИНЦЕВА.
г. Дмитров.

ИСПЫТАНИЕ НА ПРОЧНОСТЬ

Из наградного листа: «Гвардии майор Лебедев Федор Михайлович, командир эскадрильи, член ВКП(б) с 1943 года. Участие в войне: с 22 июня 1941 года.

Награды: два ордена Красного Знамени, ордена Отечественной войны и Александра Невского».

— Да что же это такое творится, — возмущался начальник аэроклуба: — Авиацию бог знает во что превращают! Пioneров стали брать! Это что: Лебедеву пятнадцать...

— Лебедеву в январе исполнится шестнадцать, — пояснил председатель комиссии, — а в мае, когда начнутся полеты, — пройдет еще полгода. Потом, я верю, это будет хороший пилот.

Федор поднял самолет над учебным полем вторым из группы. Это было первое достижение.

— В семье решили так, — рассказывает Федор Михайлович. — Василий после десятилетки пойдет в институт, а я заканчиваю в Рогаचेва семь классов и учусь на бухгалтера. Поступил в Перловский техникум на отделение товароведения. Тот день хорошо помню. На втором курсе было. В класс пришли комсомольский секретарь и представители аэроклуба. Всего записалось двадцать человек, отобрали только троих.

Среди них был и Федор Лебедев.

Впереди у него было еще много испытаний, главным из которых стала война.

Вчерашние школьники, окончившие аэроклуб, шли на фронт. Практические навыки приобретали в боях,

ДЕВЯТОГО сентября 4 истребителя И-16 выле-

тели на задание. Шел третий месяц войны, и поэтому неожиданные встречи уже были не новостью.

Впереди линия фронта, а сзади крадутся шесть «мессеров». Реакция сработала мгновенно. Уходя от огня, летчик видел, как враг настигает машину Приянишкова. Строй рассыпался, и завертелась карусель.

— Когда все вдруг стихло, — вспоминает Федор Михайлович, — огляделся: наших никого, и против меня разворачиваются пятеро фашистов. Значит, одного все-таки сбили. Что делать? Уйти невозможно: догонят и расстреляют. Значит, остается одно...

И летчик устремился в лобовую атаку на ведущего. Самолеты неслись навстречу друг другу со скоростью 900 километров в час. Решали больше не точность и мастерство, а хладнокровие и мужество.

— Казалось, пушки заработали одновременно, но все-таки я выстрелил мгновенно раньше...

Теперь против искалеченного, но не потерявшего управление и скорость истребителя осталось четыре стертых ника...

— На этот раз, думаю, последняя атака, но тут увидел облака и кинулся к ним. И, хотя в такой ситуации никогда не был, сорIENTATION сразу. Война учит быстро.

Из наградного листа: «14.7.43 г. 8 самолетов под командованием тов. Лебедева встретили 27 Хе-III, 18—Ю-88 под прикрытием 16 ФВ-190. В завязавшемся неравном бою группа Лебедева сбила 4 Хе-III и заставила других беспорядочно сбросить бомбы. Лично тов. Лебедев сбил 1 Хе-III.



...Большие заслуги тов. Лебедева состоят в том, что выполняя любое задание, он отыскивает наземные цели и штурмует их, стараясь нанести врагу как можно больший урон. За отличное прикрытие наземных войск летчики эскадрильи гвардии майора Лебедева неоднократно получали благодарности.

Самолет горел и спасти его невозможно. И тогда раненый летчик оставил машину. Пламя бросилось в лицо, а земля приняла и лес укрыл пилота. После трех месяцев госпиталя фронто-

вик шел по земле, где несколько месяцев назад тоже был фронт.

Замелькали знакомые названия: Михалево, Кульпино, Бородино... После долгой разлуки с землей летчик шел по земле. Под жарким солнцем притихли спелые хлеба. Тишина...

В Бородино начиналась жатва, и рабочие руки были очень нужны. Еще не полностью оправившийся после ранения фронтовик стал ранним утром и занял место в строю косарей...

...18.2.45 г. В районе Зауря встретили 8 ФВ-190, Не-

смотря на численное превосходство противника тов. Лебедев дерзко вступил в бой и сбил 2 самолета».

— Запрещают! Хватит, — бросил майор Диденко. А потом, смягчившись, сказал: — Ты посмотри: в корпусе нас, «стариков», только трое осталось. Война кончается, и ты здесь теперь нужен...

На следующий день комэск не летал, а еще через сутки пришла Победа.

— Седьмого мая в районе Дрездена увидели: «Фокке-Вульф» гуляет над нашей колонной. Решили: «съедем живьем» нахала. А он стал уходить и вывел нас на занятую батарею. Огонь был, как в 41-м, но ребята все сделали так, как а их учили. Ушли без потерь.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 27 июня 1945 года Ф. М. Лебедеву было присвоено звание Героя Советского Союза.

ПОСЛЕ войны полковник Лебедев закончил академию имени М. В. Фрунзе, служил заместителем командира дивизии, учился в совершенстве владеть реактивной техникой. После ухода в запас передал военскую эстафету подполковнику Лебедеву-младшему, сыну Валерию.

Хотелось, чтобы дмитровская земля знала своего сына, двадцать первого Героя. А еще, создавая музей в обновленном Большом Тельшове, надо обязательно вспомнить, что в 1934 году тельшовскую начальную школу закончил Федя Лебедев — будущий Герой Советского Союза.

Н. ФЕДОРОВ.

На снимке: Ф. М. Лебедев.

Фото В. ГУРЬЕВА.

Благодаря титаническим усилиям всего народа техническая оснащенность и вооружение армии и флота СССР к началу 1945 г. достигли наивысшего уровня. В январе - начале апреля 1945 г. в результате мощного стратегического наступления на всем советско-германском фронте силами десяти фронтов Советская Армия решительно нанесла поражение основным силам противника.



Взятие столицы третьего рейха и окончательный разгром фашизма было осуществлено в ходе Берлинской операции. (16 апреля - 8 мая 1945 г.)



Утром 1 мая над рейхстагом сержантами М.А. Егоровым и М.В. Кантария было водружено Красное Знамя как символ Победы советского народа.

Война стала колоссальным испытанием для страны, принесла горе и потери почти в каждую семью. 22 июня мы вспоминаем всех, кто героически жертвовал собой, чтобы День Победы настал как можно скорее, а новые поколения жили в мире и согласии.

Помним...

Любим...

Скорбим...

